

СЛОВО РОДИТЕЛЯМ

Е. Ленковская

«МОЖНО Я НЕ БУДУ ЭТО ДОЧИТЫВАТЬ?..» (Заметки о новой детской литературе)

Спасибо Оле Колпаковой, замечательной детской писательнице, в переписке с которой и родилась эта статья.

«А ЧТО ЭТО ВЫ ЗДЕСЬ ДЕЛАЕТЕ?»

Все началось с *Дневника Берта* — забавной и на первый взгляд вполне достоверной книжки, которую написали два молодых и веселых шведа А. Якобссон и С. Ульссон о жизни своего одиннадцатилетнего соотечественника.

Отрывки показались мне по-хорошему смешными, ироничными, текст легко читался, персонаж был почти ровесником моего сына, поэтому я тут же сунула ему эту книгу.

Сын взялся за чтение с интересом — еще бы, книжка написана в виде тайного дневника, на обложке череп с костями, эпиграф устрашающий — «Смерть тому, кто заглянет в этот дневник...»... Однако, не осилив и половины, он, немного смущаясь, задал мне — первый раз в жизни — весьма странный вопрос:

— Можно я не буду это дочитывать?

— Конечно, можно, — согласилась я в некотором недоумении.

И решила дочитать сама.

Дочитала, подивилась — не тому, что двенадцатилетний мальчик не захотел дочитывать привлекательную, на первый взгляд, книжку, а именно прочитанному.

Взялась за другие, относительно новые детские книги. Картина, развернувшаяся передо мной, показалась мне масштабным явлением, которое стоило бы назвать едва ли не сексуальной революцией в западной детской литературе.

«А что это вы здесь делаете, а?» — вот вопрос, который всё время крутился у меня в голове, пока я в срочном порядке читала все эти книги, выстроившиеся на моем письменном столе в важи-

лонскую башню из красиво, современно и со вкусом оформленных переплетов.

Вопрос следовало бы адресовать писателям и издателям, конечно. Но поскольку очные ставки затруднительны, пришлось заняться дедукцией.

Не скрою, первое, что пришло на ум: авторы делают себе имя. Ответ, возможно, слишком банальный и преждевременный, хотя — Вавилонская башня для того и строилась... Помните — «Люди решили построить Вавилонскую башню высотой до небес, чтобы «сделать себе имя»?

Однако здесь стоило разобраться — не все, что кажется очевидным, таковым является.

«УЖАСНЫЙ РЕБЕНОК» ДЕМОНИСТРИРУЕТ СЕКСУАЛЬНУЮ ОЗАБОЧЕННОСТЬ

Итак, для начала охарактеризуем действующих лиц, подозреваемых в ... ну, нет, растлении малолетних читателей — это чересчур. В том, что невольно могут сыграть роль катализатора полового созревания? Так уже лучше.

Нетрудно определить, кто является излюбленным персонажем западной новой детской литературы (далее — НДЛ). Это не всегда уравновешенный, зато яркий, смелый, не принимающий унылые условности взрослой жизни ребенок.

Все тот же тип, что был популярен со времен Тома Сойера, Пеппи или Эмиля из Лённебёрги — нестандартный, не укладывающийся в привычные поведенческие рамки обаятельный анфан террибль, доставляющий окружающим немало хлопот и вечно попадающий в истории, главный и по-настоящему положительный персонаж, искренне любимый и автором, и разновозрастной читательской аудиторией.

Поколения читателей любили и любят этого героя вопреки устоявшемуся мнению большинства взрослых о том, как должны вести себя дети. Ведь интересны непредсказуемость, раскованность и вдохновенные проказы, а послушание и выполнение правил — это синонимы скуки и отсутствия творческой мысли. Нет, ну в самом деле, и во времена Марка Твена симпатии читателей были на стороне Тома, а не его брата Сиды, и теперь всем интересен Гадкий (Ужасный) Генри, и мало кому — Послушный Пит (Франческа Саймон, серия книжек про Ужасного Генри).

Нынче, кстати, возможны варианты: если качества анфан террибля по какой-то причине не свойственны главному персонажу, тогда ждите разведенную безбашенную мамочку (художницу или рок-музыкантшу), которая, как мамаша мальчика Цацики, играет на бас-гитаре в собственной группе «Мамашины мятежники» и любит стоять на голове, скинув туфли и шевеля пальцами ног (*Цацики идет в школу* Мони Нильсон); или, как мама Симоны из *Чудаков и зануд* Ульфа Старка, играет ночами на саксофоне, «вечно все забывает», вызывающе одевается и рисует картинки для журнала «Радость Жизни», а то и, как мама Лены из книги Моники Парр *Вафельное сердце*, занимается тем, что создает из хлама и запчастей для мотоциклов «современное искусство».

Вообще, эти мамы позволяют себе многие вольности: например, не считают неудобным целоваться с мужчиной своей мечты на глазах его невесты и собственного сына. Ну, в крайнем случае, они просто экспансивны и донельзя экстравагантны.

Так же как и «ужасные дети», мамочки НДЛ, несмотря на внешнюю безалаберность, почти всегда — персонажи положительные, несущие в себе выстраданную собственную правду и демонстрирующие завидную внутреннюю свободу. Такой вот — расширяющий сознание взрослого читателя — яркий, хотя и чудаковатый образ. Будем считать, что все они в каком-то смысле — выросшая и уже половозрелая Пеппи, в юности бывшая паломницей Вудстока, носившая хиппанские цветастый балахон и хайратник и исповедовавшая свободную любовь...

Но вернемся к ребенку. Главный герой — школьник с поведением а ля анфан террибль (или, если хотите, ребенок с широко распространенным нынче диагнозом «гиперактивность»), всегда был определенным вызовом обществу.

Однако раньше он действовал и обнаруживал свое программное несоответствие бытующим стереотипам и программное же соответствие общечеловеческим ценностям на довольно ограниченной территории. Во всяком случае, область, касающаяся сексуальной жизни, была в стороне, оставаясь даже для отпетого «ужасного ребенка» под негласным запретом.

В последние полтора десятилетия популярный у читателей и писателей анфан террибль немного изменился.

Во-первых, он получил, подобно Манолито Очкарику Эльвиры Ландо, право говорить на своем языке, быть предельно ироничным и язвительным по отношению к кому угодно (например, называть

любимого дедушку Николаса, страдающего простатитом, не иначе как Суперпростатой), относиться ко всем свысока, употреблять бранные слова и вообще не стесняться в выражениях.

Не то что бы этот «типичный современный ребенок» на самом деле стал развязнее. Не думаю. Просто мы, читатели стараниями авторов в последние десятилетия получили доступ к детским дневникам, обрели возможность слышать то, что выдается за внутреннюю речь современного ребенка. То есть произошли некоторые изменения в области литературной формы, которые представляются мне устойчивой тенденцией. На уровне текста главный герой перестал быть просто фокальным персонажем: само повествование чаще всего идет от первого лица и представляет собой монолог героя.

НДЛ активно осваивает внутренний монолог как соблазнительную возможность привнести в книгу характерные словечки подросткового жаргона и хлесткие прозвища, выстроить повествование короткими фразами в динамичном, рэповском ритме...

Молодежный разговорный слэнг, замешанный на безапелляционной резкости суждений, наполняет ткань повествования и отдает запахами Клерасила, колы, дымом первых, тайком выкуренных сигарет, пополам с приторным ароматом клубничной жвачки.

Вообще, самоуверенный тон и амбициозность в сочетании с паузами и недоговоренностью, прерывистостью речи (комплексы, куда без них) может служить типовой характеристикой любого подростка. К тому же, когда речь идет о «правдивом» внутреннем монологе, вещи называются своими именами, не правда ли? Вот и оказывается, что в таком тексте уместны табуированные темы и ни к чему эвфемизмы, даже если речь идет о весьма интимных подробностях. Форма диктует, а как иначе?

И самое главное — персонаж НДЛ приобрел вдобавок к прежним устойчивым характеристикам еще одну, весьма существенную — он демонстративно озабочен вопросами отношений между полами.

Всё по-взрослому, не правда ли? Ведь и у настоящих взрослых анфан терриблей сексапильность и чувственное обаяние — непременная, обязательная черта.

МНИМЫЙ СИМВОЛ ВЗРОСЛОСТИ

Без первого поцелуя не обойтись. Это эпизод, почти обязательный для большинства произведений НДЛ. Тут позволю себе цитату. «Наши губы соприкоснулись, и я почувствовал ее язык у себя во рту. Первую секунду я оторопел, но через мгновение и сам высунул

язык и наши языки сплелись в бешеном танце любви» (Джон ван де Рюит, *Малек*).

На мой взгляд, эта сцена представлена совершенно бесцветно, бестрепетно, прямолинейно. Чуждое подростковому языку выражение «наши языки сплелись в бешеном танце любви» как нельзя лучше характеризует происходящее: для тринадцатилетнего мальчика с «неопустившимися яичками и маленьким членом» этот поцелуй — словно одежда на вырост. Он — скорее долгожданная инициация, необходимое условие получить определенный статус («теперь она — официально стала моей девушкой!») — ликует после этого поцелуя тринадцатилетний герой), нежели способ прикосновением передать свои чувства и желания любимой.

Вот такими поцелуями как мнимым символом взрослости наводнена вся НДЛ (можно бы и еще процитировать, но как-то не хочется).

А ведь взрослость не в том, чтобы механически освоить навыки любовной науки — это-то рано или поздно случится с каждым подростком, но в работе души.

В сущности, в книгах НДЛ достаточно вполне серьезных переживаний которые действительно делают и героев, и читателей старше. Но почему-то душевные переживания, ведущие к личностному взрослению, существуют отдельно от эпизодов с поцелуями. По-моему, в таком случае интимные подробности — просто «клубничка».

Разве раньше в литературе поцелуев не было? Да были, конечно. Только экспозиция этих сцен выстраивалась иначе. Помните у Астрид Линдгрэн — свидание Бетан и ее дружка Пелле, которое коварно расстроил мелкий пакостник Карлсон? Естественно, отнюдь не пристальный взгляд со стороны. Разумеется, никакого бешеного танца и страстных лобзаний. Робкий, трепетный, не видимый читателю поцелуй. Мы слышим только тихое:

— Я тебя сейчас поцелую, Бетан.

Одна, всего лишь одна деталь — хриплый мальчишеский голос, раздавшийся в полной тишине и темноте. Этого оказывается достаточно, чтобы передать волнение и таинственность момента.

Что, теперешним детям этого мало? Им потребны учебники в духе европеизированной Камасутры?

НАШИ ДЕТИ: НАСТОЯЩИЕ И НЕ ОЧЕНЬ

Но вернемся к Берту. По мере чтения книги очень быстро выясняется, что шведский пятиклассник по имени Берт тайно озабочен

исключительно отношениями с противоположным полом. При этом на каждой странице он обнаруживает детсадовские комплексы — вроде боязни того, что покупка розового пенала может уронить в глазах окружающих его мужское достоинство (несмотря на то, что пенал этот всего-навсего предназначен в подарок однокласснице на день рождения). В результате герой, поздравляя подружку, ограничивается розовыми шнурками. Причем делает это анонимно.

Надо признать, авторы нашли хороший повод обнаружить потребительские стереотипы, формируемые — не без усилий маркетологов и рекламистов — уже в дошкольном возрасте, и сумели весело посмеяться над условностями, которые действительно отравляют жизнь многим детям в ситуации навязанного выбора, когда товар маркируется строго по гендерному принципу. «Настоящие» мальчики выберут череп с костями, «настоящие» девочки — пучеглазых котят с розовым бантом на шее. Те, которым не нравится ни то, ни другое, видимо, с детства должны быть классифицированы как типичные маргиналы с неопределенной сексуальной ориентацией...

Собственно, главная проблема персонажа этой книги коренится в необходимости балансировать между боязнью быть осмеянным и стремлением к тому, чтобы быть крутым, взрослым и, значит, запросто общаться с понравившейся девчонкой. Это интерес, замешанный на страхе. Актуально для ребенка этого возраста? Пожалуй, да. Здесь вопросов нет.

Насторожило меня другое. Суждения мальчика показались мне нарочито младенческими (тем-то они, разумеется, и забавляют читателя) и потому откровенно диссонирующими с чрезмерно развитым интересом к сфере, которую можно определить как отношения с противоположным полом. Этот естественный интерес проявляется не просто в стремлении свободно общаться и проводить досуг с девчонкой. Достаточно невинные поцелуи я тоже, в общем, полагаю в этом возрасте явлением естественным, хотя и не обязательным.

Но «опасные дальнбойные» поцелуи («это когда рот открывается и языки встречаются...») — это, пожалуй, для одиннадцати лет чересчур. Вы не находите?

В этом смысле персонаж Якобсона и Ульссона — ну, очень «продвинутой» мальчик. Это само по себе удивительно, а еще поразительнее тот факт, что исподволь насаждается мнение: такой персонаж, рано и несколько неравномерно созревший (как покрасневшее пока лишь одним боком зеленое яблоко), и есть самый реальный и живой современный ребенок.

Когда книжная аннотация объясняет мне, что в книге рассказывается история о настоящем, не приукрашенном ребенке, я знаю, что не стоит принимать подобные обещания всерьез. Разумеется, он приукрашен: дело любого художника — преобразовать реальность в соответствии с поставленной перед собой задачей, а художественная правда — это вовсе не официальный отчет из детской комнаты милиции. Но меня все же задевает эта формулировка: если мой ребенок не похож на Манолито, не называет дедушку Суперпростатой, в двенадцать с половиной лет еще не знает, что такое оральный секс, и не интересуется порножурналами, то он что — ненастоящий??? В таком случае в моем окружении полно ненастоящих детей. И у меня нет особого желания ускорять их чудесное преобразование в «настоящих». Всею свое время.

А ведь литература, в которой откровенно говорится о различных сексуальных аспектах, — не что иное, как катализатор полового развития. Считая, что нынешние дети раньше созревают и для них теперь актуально то, что пятьдесят лет назад актуальным не являлось, нельзя забывать научный факт: разговоры о сексе запускают механизмы взросления у детей, прежде пребывавших в райском неведении.

Получается, мы сами торопим наших детей, рекомендуя им такие книжки?

Особенно если на них написано, что они для младшего школьного возраста, как на книге о Манолито Очкарике, хотя в Испании, кстати, книги о нем рекомендуют с 12-летнего возраста.

Но это, конечно, уже вопрос к нашим издателям, а не к авторам текстов...

ЗАПАДНАЯ ТЕЛЕСНОСТЬ — НОВОЕ КАК НЕЗАБЫТОЕ СТАРОЕ

Вообще, книга про Берта, которую не воспринял всерьез мой сын и которая, по сути, рассказывает о первой влюбленности ребенка (героя формально и тинейджером-то нельзя назвать), как-то уж слишком повернута в сторону телесности. Как, впрочем, и многие другие, неизмеримо более талантливые и мастерски написанные образцы НДЛ.

Тут нельзя не учесть, что в контексте нашей культурной традиции естественная грация жизни с ее непринужденным, подчас легкомысленно-беспечным эротизмом выглядит почти оскорбительной, чрезмерной откровенностью. Она представляется каким-то блажен-

ным, эдемским бесстыдством, которое нам воспрещено и потому возмущает. Мы со времен памятного библейского изгнания из Рая видим свою обнаженность и стыдимся ее.

Однако Европа сегодня настойчиво стремится обратно, к не смущаемой ничем телесности, доходящей до неприкрытого, приводящего нас в содрогание физиологизма. Представление об интимности, приватности телесных проявлений здесь совершенно иное.

Европейской культуре, в принципе, присущ пристальный интерес к физиологическим проявлениям. В том числе к натуралистической экспозиции страданий (многочисленные Страсти Христовы и мученичества святых тому примером) — разверстые раны и предсмертные судороги там всегда выставлялись напоказ. Даже духовное, божественное озарение носит в европейском католицизме ярко выраженный эротический характер: в качестве хрестоматийного образца вспомним оргиастический *Экстаз Святой Терезы* — скульптуру знаменитого итальянского скульптора XVII в. Лоренцо Бернини. Да и в иконографии излюбленного европейскими художниками сюжета «Мадонна с младенцем» веками преобладает игривая сексуальность, не говоря уже о квадратных километрах «обнаженки» в музеях старой западноевропейской живописи в целом.

В современном европейском обществе, толерантном к любым проявлениям человеческой индивидуальности, этот интерес уже не замаскирован под религиозное чувство. И пресловутая свобода зачастую воспринимается именно как свобода телесности, а любовь представляется едва ли не отправлением естественных надобностей...

А что у нас? Православная традиция практически не предполагает использование скульптуры для изображения святых как воплощенной, осязаемой телесности и ограничивается образами — бесплотными, одухотворенными и зачастую скорбными фигурами, лишенными веса и не подверженными земному тяготению.

Помня обо всем этом, я ничуть не удивляюсь, когда впервые вижу случайно добытый в интернете чешский мультфильм из знаменитого и любимого с детства сериала про Крота — в паре с милашкой Кротом по лесу бегают упитанный голый дядька с подробно вырисованными гениталиями и кудрявой шерстью вокруг. Да, у нас этот сюжет не показывали, и слава богу.

Современный образовательный мультфильм для дошкольников *Крот и какашки* (крот здесь другой, просто совпадение) — про то, у какого зверя какие экскременты, придумали, по-моему, немцы. Тоже молодцы ребята, нарисовали красиво, обыграли остроумно,

и комплексов никаких... Я уж не говорю про книжки типа «откуда берутся дети» с подробным пошаговым описанием того, что во время зачатия происходит с папиным «краником» и т. п., и т. д.

Да что Европа — Америка туда же: вспомним Гумберта Гумберта, который в качестве характеристики своего смятенного душевного состояния сообщает нам, что с утра не опорожнял кишечник. Герои русских произведений того же Набокова скорее удавились бы, чем позволили себе такую неслыханную, шокирующую физиологическую откровенность...

Так что если, на ваш взгляд, опыт телесности — поцелуев, прикосновений — необходимый, но недостаточный для подростка опыт, когда речь идет о любви, это вполне оправдано не ханжеским лицемерием и закомплексованностью, а по меньшей мере культурной традицией.

Именно поэтому, верно, у нас считают, что настоящая литература «учит любить, а не заниматься любовью».

КАРНАВАЛ — КРУГЛЫЙ ГОД!

История про мохнатые колготки из книги Нильсон *Цацки идут в школу* смешна потому, что преодолевает табу. Мне лично неловко было читать про небритые ноги учительницы, выставленные на всеобщее обозрение, хотя и очень смешно. Этот смех — отголоски карнавального хохота, не иначе.

Когда-то лавинообразная телесность, сдерживаемая Церковью и регулярным постом, легитимизировалась лишь во время карнавала, когда можно было посмеяться над табу и условностями и низ на время становился верхом... Теперь над людскими умами властвует не Церковь, а массовая культура, которая стремится растянуть карнавал до бесконечности.

По поводу травестики, кстати, тут же приходит на ум книга Улфа Старка *Чудаки и зануды*, где девочка играет роль мальчика — для правдоподобности засовывая клочок ваты в штаны, после урока физкультуры попадая в раздевалку для мальчиков и целуясь (правда, против своей воли) с одноклассницей... Словом, в детской литературе тоже карнавал.

Современное западное общество находится в постоянном ожидании сенсаций, ниспровержение устоев поставлено на конвейер, а современные авторы — жертвы сложившегося в XX в. мифа о свободе художника, который не просто вправе поднимать любые темы, но обязан это делать, лишь бы хватило таланта и мастерства.

Когда-то был социальный заказ на такое искусство, и нужна была недюжинная смелость, чтобы обнажать корни, выявлять тайные стремления и пороки, освобождать от предрассудков... Художник был призван провоцировать тектонический сдвиг слежавшихся, спекшихся культурных пластов. Дерзость, пренебрежение правилами, ломка стереотипов — вот чем завоевывали популярность, интерес и внимание публики.

Когда сегодня писатели непременно вставляют в книгу «прогрессивные» эпизоды про папиных любовниц, простатит или про то, как школьники в день рождения одноклассника начищают его гениталии щеткой с ваксой (он, разумеется, не очень-то рад такому «подарку»), скорее всего, они даже не задумываются, что произошла подмена. Из эпизодов, ломающих стереотипы, подобные сцены давно перешли в разряд обязательных атрибутов. Обязательный атрибут — не что иное, как новый стереотип, и западная НДЛ их давно выработала.

Поэтому вместо ниспровержения устоев будем смело писать о трусах с оленями, об украденных в магазине лифчиках соблазнительно большого размера (А. Тор, *Правда и последствия*); о «мохнатых» колготках; об испачканных во время месячных трусиках (К. Нестлингер, *Само собой и вообще*), et cetera. Ведь трусы и лифчики — неприкрытая правда жизни, и составляют такой же секрет Полишинеля, как и тот, что сообщил мне как-то мой знакомый художник Шабуров — «принцессы тоже какают». Ах, и вы не в курсе?

Смех смехом, а дети в первом классе иногда поначалу удивляются, что их учительница тоже ходит в столовую и надо же... оказывается, тоже есть суп! Страшно представить, что она еще иногда делает... А это, между прочим, естественные потребности, в числе которых и не на последнем месте, кстати, — сексуальное влечение, в западной НДЛ часто мимикрирующее под любовь... Итак, кредо НДЛ — привычно побеждать в себе комплексы, к которым окружающие и без этой борьбы вполне толерантны, и принимать мир таким, какой он есть. Писатели всех европейских стран и народов должны — по устоявшейся за последние пару десятилетий традиции — открыть людям свои трусы с оленями (ну, или распахнуть дверцы чужих шкафов, где прячутся скелеты) и жить свободно... как дети!

ВЗРОСЛЫМ — О ДЕТЯХ

Вообще, чем больше «перца», тем привлекательнее. Можно даже написать об инцесте, об изнасиловании дедушкой собственной внуч-

ки; подобная литература успешно номинируется на литературные премии, стало быть, официально приветствуется. Наверное, у нас книжка на подобную тему, адресованная детям, вызвала бы эффект разорвавшейся бомбы. В Европе такие «взрывы» давно санкционированы, и оттого — холостые.

Писателю, чтобы быть «в струе», надо писать именно о лифчиках, геях и долгоиграющих поцелуях (изнасилованиях дедушками, если хочешь быть на пике мэйн-стрима). Сексуальные отношения занимают другую роль в культуре и жизни, и потому как нельзя более востребован умеренный, понятный обывателю, цивилизованный европейский эпатаж.

А просто правдивой, смешной или трогательной истории недостаточно. Желание вызвать у читателя сильные эмоции заставляет задевать, смущать, вводить в оторопь... Без перца — будто бы уже пресно (это детям-то!)...

Но ведь не зря же есть в любой культуре, в том числе и европейской, табуированные зоны. Мы же наблюдаем, как в массовом порядке НДЛ взламывает табу. Идет ли это от собственных взрослых интересов и потребностей автора, или писатели всерьез полагают, что подобная откровенность в интересах читающего их книгу ребенка? Трудно сказать наверняка, но кое-какие соображения на этот счет имеются.

Когда я прочитала *Манолито Очкарика*, у меня возникло смутное подозрение: это какой-то новый вид литературы. Вот есть, к примеру анималистика, это когда книга о животных, их повадках, особенностях, больших преданных глазах и привычках приносить под утро задушенных крыс на подушку хозяину в качестве подношения. Что-то вроде знаменитой серии *Ребята — о зверятах*, если кто помнит...

Так и здесь. Этаким кид-райтинг, что ли. Произведения о детях, но не для детей, хотя по многим параметрам — типично детские (и язык, и персонажи, и даже иллюстрации). Когда две книги М. Нильсон про Цацики, прочитанные следом, так же легко вписались в эту незатейливую формулировку, я окончательно удостоверилась — многие произведения НДЛ написаны не столько для детей, сколько для взрослых. Однако писатели и издатели не спешат в этом признаваться. Почему? Да потому, что детская аудитория — самая читающая. Законы рынка. Хорошо, чтоб хотя бы библиотекари понимали, что должны советовать подобные книги не детям, а их родителям...

А ЧТО У НАС?

В России образованное общество со времен Гаршина, Достоевского и передвижников одобряет другого рода интерес — интерес к слабым мира сего, к униженным и оскорбленным. Дети алкоголиков и сироты — вот персонажи, удостоенные пристального внимания наших авторов. И не потому, что именно теперь вдруг оказалось так, что «горе — модное» (такой вывод делает Светлана Лаврова в своей почти одноименной статье по итогам Крапивинского конкурса). Думаю, дело не в сиюминутной моде — это ж традиция здесь такая!

У нас любят, когда с надрывом... Что, впрочем, не обязательно свидетельствует о конъюнктуре. Кто-то выбирает тему совершенно искренне и делает сильные, талантливые книги. Но, в любом случае, если писатель хочет быть востребованным, он волей или неволей вынужден следовать этой стратегии.

К тому же, как ни печально, приходится признать: в нашей стране символическим актом инициации для подростка скорее является первое употребление алкоголя или курева, чем первый поцелуй. А эротизм европейский чужд в принципе — ведь в нем есть элемент игры (поэтому, кстати, там его так легко включают в детские книги), у нас же все всерьез, нам не до баловства с «дальнобойными» поцелуями в принципе, мы же мир спасаем от бездуховности...

МОЖЕТ, НАЧНЕМ ПРЯМО С БОККАЧЧО?

А что касается практического выбора книг для собственных детей — у меня лично нет готовых рецептов. *Берт* был отмечен как совершенно негодный, а гораздо более жесткий, но и неизмеримо более правдивый *Малек* (долго думала, но все же решилась предложить, полагая, что взросление неизбежно) — проглочен за несколько дней.

У меня есть знакомая, которой родители, когда она была старшеклассницей, не зная, как бы поумнее ввести дочь в курс дела, просто подсунули *Декамерон* Боккаччо... Вы тоже полагаете, что это не выход?

Давайте просто будем внимательнее к тому, что читают наши дети: не доверяя ни аннотациям, ни рекомендациям иностранных министерств образования, ни грифам известных издательств. Потому что влиять на стратегию писателей и политику издателей гораздо сложнее, чем на формирование собственного ребенка.